

Three soldiers in military uniforms are shown from the chest up, emerging from turbulent blue water. The soldier on the left is looking forward with a serious expression. The soldier in the center is holding an assault rifle and aiming it towards the viewer. The soldier on the right is also holding a rifle and looking slightly to the side. The water is splashing around them, creating a sense of action and danger.

# МОРСКОЙ СПЕЦНАЗ

ВАЛЕРИЙ РОЩИН

## СЕКРЕТНЫЙ МОДУЛЬ



# Валерий Рощин

## Секретный модуль

### Серия «Морской спецназ»

*Текст предоставлен правообладателем*  
*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=3264905](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3264905)*  
*Секретный модуль: Эксмо; Москва; 2012*  
*ISBN 978-5-699-55251-1*

#### Аннотация

На дне Байкала работает сверхсекретная подводная научная станция. Мало кто знает, что ее кодовое название «Ангар-004», и еще меньше людей в курсе того, что в одном из ее модулей размещается секретная лаборатория по химическим разработкам. Однажды из этой лаборатории поступает сигнал опасности – там нештатная ситуация и творится что-то непонятное. Разобраться в случившемся должен отряд боевых пловцов «Фрегат-22» под командованием капитана второго ранга Евгения Черенкова. Бывалые спецназовцы навидались всякого за время службы и готовы к самым необычным обстоятельствам. Но такого кошмара никто из них еще не видел...

# Содержание

Часть первая	4
Пролог	4
Глава первая	19
Глава вторая	35
Глава третья	55
Глава четвертая	69
Глава пятая	75
Глава шестая	87
Конец ознакомительного фрагмента.	91

# Валерий Георгиевич Рошин

## Секретный модуль

### Часть первая

### Сигнал бедствия

### Пролог

*Российская Федерация, Тамбовская область,  
Моршанский район. Начало 90-х годов*

– Каха, а чего конкретно они здесь варганят? – криво усмехнулся лысый здоровяк.

– Точно сказать не могу, – вяло ответил сидящий рядом с водилой грузин. – Какие-то таблетки, порошки, растворы...

Темная иномарка с четырьмя братками стояла на окраине небольшого городка, спрятавшегося в густых лесах северо-восточной Тамбовщины. Более часа братки наблюдали за въездом на территорию некогда засекреченного объекта Министерства обороны. Ныне объект представлял собой унылое зрелище из обшарпанной двухэтажки и крохотной сторожки, притулившейся у разбитой трассы районного значения.

– Каха, ты точно знаешь, что внутри богадельни есть дурь? – не унимался лысый. – Никого, кроме сторожа, не видно.

Грузинский авторитет опустил стекло, выплюнул на снег окурок:

– Мне Гиви Кипиани наводку дал. Он вор в законе, чистокровный грузин, и меня – такого же грузина – обманывать не станет.

– А ему кто слил информацию?

– Неделю назад в сауне отдыхал с большим чиновником из области: вино, фрукты, девочки, массаж... У того язык и развязался – все разболтал про бывшую лабораторию.

– А чего разболтал-то? – спросил Лысый. Образования у него почти не было – числился в затрапезной поселковой школе до восьмого класса включительно, после чего директор торжественно вручил ему свидетельство со сплошными «тройками» и, блаженно вздохнув, подал на прощание руку.

Интересовался Лысый скорее из природного любопытства, а Каха знал: лучше рассказать, иначе не отстанет.

– Сказал, типа денег сотрудникам почти не платят, все держится на руководителе – пожилом мужике, докторе химических наук. Мужiku этому смежники из уважения и по старой памяти поставляют какие-то препараты, реактивы... ну и работа понемногу движется.

– А чего ж твой Кипиани сам на него не наехал?

– Кипиани наркотой не занимается, поэтому и подарил

нам идею с этой... как ты ее назвал?...

– Богадельней.

– Во-во – богадельней.

Сторож с калиткой оставались единственными препятствиями на пути к цели. А целью было здание из красного кирпича – химическая лаборатория, в недрах которой сотрудники занимались своими мутными разработками. Поговаривали, будто до эры лихих 90-х здесь изобретались формулы новейшего оружия. Доказательством былого величия секретного объекта служили следы от разворованного бетонного забора, техническое здание с останками криогенной установки и остов разобранной казармы, где размещалась военизированная охрана. Бессменным руководителем сего заведения значился доктор химических наук Успенский – талантливый ученый и хваткий хозяйственник. Благодаря его способностям и теплилась жизнь в двухэтажном здании. Когда исследования практически перестали финансироваться Москвой, он организовал небольшое производство разнообразной бытовой химии: стиральных порошков, моющих средств, отбеливателей, ядов от насекомых и мелких грызунов... Все это развозилось по крохотным сельмагам Моршанского района и сбывалось за сущие копейки. Так и выживали...

– О, наш дедуля вышел покурить, – нарушил тишину Лысый.

С внешней стороны шлагбаума появилась сутуловатая

фигурка старика. Брюки военного образца, заправленные в черные валенки, поношенная телогрейка, шапка-ушанка и торчащие за поясом огромные рукавицы. Ни кобуры, ни берданки. Для экстренных случаев только перемотанный изолентой телефонный аппарат для связи с районным отделением полиции.

Выпустив клуб табачного дыма, старик привычно оглядел пустынную дорогу...

Никого. Лишь в сорока метрах к противоположной обочине приткнулась темная иномарка. Может, кого ждут? Ведь дальше за дорогой кособочится десяток деревянных домишек...

– Пошли, спросим сигаретку? – предложил Лысый.

Подельники поняли намек и вопросительно уставились на грузина. Тот кивнул:

– Все светиться не будем. Пойдут Лысый и Барсук.

Кряхтя, здоровяк с блестящим темечком выбрался из салона и вразвалочку направился к будке. Подняв воротник куртки, Барсуков засеменял следом...

\* \* \*

До развала Советского Союза Каха хулиганил по-мелкому в окрестностях Кутаиси; после развала захотелось масштаба и больших денег. В суверенной Грузии не оказалось ни того, ни другого. Перебравшись в Россию, он сколотил груп-

пировку из таких же недоумков и занялся бандитским промыслом: начал с сутенерства в Подмоскowie, продолжил рэкетом и грабежом на бойких трассах. Несколько раз оказывался под следствием, где в качестве вещдоков фигурировали утюги, паяльники и тазы с цементом. Короче говоря, выжил в бандитских войнах исключительно потому, что вовремя попадал за решетку. Отсидев очередной раз, нашел в криминальном рынке услуг неплохую нишу, связанную с оптовой поставкой всевозможной наркоты. Попробовал – понравилось. Дело оказалось менее рискованным, чем вооруженные налеты или конкуренция в дорожном рэкете, и в то же время более прибыльным.

Со сторожем справились быстро. Немудрено – ему под семьдесят, а бойцы в банде как на подбор: молодые, накачанные, злые.

– Босс, путь свободен! – высунувшись из-за будки, доложил Лысый.

– Заведи двигатель и жди нас. Если на горизонте появятся менты – просигналь три раза, – дал последнее указание Каха, ступая на грязный раскисший снег.

Деда запихали в тесную будку и усадили на стул, ткнув подбородок в скрещенные руки. Получилось, будто тот заснул, намаявшись за долгий трудовой день.

– Лысый, сиди здесь, – процедил грузин, – а мы смотаемся на второй этаж.

– Ладно. Только недолго там...



Хлопнув Барсукова по спине, Каха направился к единственному входу в двухэтажное здание. На крыльце притормозил. Вынув из кармана пистолет, взвел курок, приоткрыл дверь и осторожно заглянул внутрь.

– Никого. Пошли...

В носшибанул резкий запах хлорки, стирального порошка и еще какой-то кислятины.

Преодолев несколько ступеней, они оказались в пустынном холле. Влево и вправо уходил узкий, плохо освещенный коридор; рядом с входом в подвал пустовало место сокращенного вахтера. В здании было невероятно тихо, и только из подвала доносился звук капающей воды.

Грузин показал на лестничный марш.

– Нам сюда.

Поднявшись на второй этаж, они обнаружили схожую картину запустения и разрухи: обшарпанные стены, щербатый плиточный пол, тусклое освещение редких ламп. И ни одной живой души.

– Не нравится мне здесь, – поежился Барсуков.

– Что тебе не нравится? – огрызнулся Каха.

– Тут как... в морге!

– Ты там бывал?

– Заезжал однажды – на опознание Барышникова.

– А деньги за дурь получать нравится?

Барсук промолчал, понимая справедливость упрека.

– То-то! Рули по левому коридору. Я – по правому. Ищем

лабораторию за железной дверью...

\* \* \*

Железная дверь с надписью: «Лаборатория <sup>1</sup>2» была одна на весь второй этаж, и нашел ее сам грузин. Где-то посередине длинного коридора он наткнулся на «Лабораторию <sup>1</sup>1», но ее отгораживала от посторонних обычная деревянная дверь, вышибить которую мог двенадцатилетний пацан.

«Нет, наркоту за такой дверью держать не будут», – решил Каха, продолжив поиски, и не ошибся. Махнув рукой подельнику, он взялся за ручку и осторожно потянул на себя...

– Ну что? – прошептал подошедший Барсуков.

– Заперто.

– А внутри кто-нибудь есть?

Каха прижался ухом к холодному металлу...

За дверью теплилась жизнь. Во всяком случае, грузин отчетливо слышал плеск воды и глухое позвякивание.

– Есть, – досадливо поморщился главарь.

Барсук умел вскрывать замки, всегда носил с собой соответствующие инструменты и мог бы справиться с проклятой дверью за пять минут. В том случае, если бы лаборатория пустовала. Если же там кто-то есть, то придется играть по другим – более жестким правилам.

– Давай постучим! – развел громадными ручищами Бар-

сук.

– Глаза протри – тут звонок есть...

На первую трель электрического звонка никто не ответил. Равно как и на вторую. В третий раз Каха плющил палец о пластмассовую кнопку до тех пор, пока за дверью не послышались торопливые шаги.

– Иду-иду, – нервно прокричал кто-то и загремел запорами.

Дверь робко подалась вперед.

Здоровенный Барсук только этого и ждал, резко рванув ее на себя. И тут же ствол старенького «ТТ» ткнулся в лоб человеку, стоявшему по ту сторону порога.

Этим человеком оказался одетый в белый халат мужчина лет сорока пяти – тощий, редковолосый; на большом носу очки в тонкой оправе, руки в прозрачных медицинских перчатках.

– Ты Успенский? – шагнул внутрь помещения грузин.

– Д-да, – округлив глаза, мужчина отступил назад. – А вы кто?

– Молчи или получишь пулю.

Войдя в лабораторию последним, Барсук прикрыл за собой дверь. Каха же, по-хозяйски выйдя на середину комнаты, огляделся по сторонам...

Бывшая засекреченная лаборатория казалась тесноватой и напоминала пищеблок или медпункт в колонии общего режима. На самом деле помещение было большим, но ощущение

ние тесноты появлялось от обилия оборудования и мебели. Вдоль стены против окон возвышалось несколько металлических шкафов, там же поблескивали прозрачными дверками стеклянные стеллажи, заполненные всевозможными банками, пузырьками, коробочками. В углу белели две раковины с грязной лабораторной посудой; эту посуду, едва дотягиваясь ручонками до воды, пыталась перемыть девочка лет семи или восьми. Прервав ответственную работу, она смотрела на непрошенных визитеров большими печальными глазами. У окон, забранных снаружи тяжелыми решетками, стояли рабочие столы с ворохами бумаг, микроскопами, электрической печью и другими незнакомыми приборами. И даже посередине квадратной комнаты вплотную друг к другу стояли два лабораторных стола.

– Позвольте узнать, что вам здесь надо? – напомнил о себе ученый.

Каха выудил из кармана лист бумаги.

– Мы пришли вот за этим.

Мужчина поправил очки, взял листок и принялся читать, смешно шевеля бледными губами:

– Бупренорфин, гидроморфон, декстроморамид, диаморфин, метадон, морфин, оксикодон, оксиморфон, пентазоцин, петидин, фентанил...

Список был длинный. Дочитав до середины, мужчина перевел взгляд на вооруженных головорезов:

– Позвольте, но тут сплошь наркотики!

– Ты удивительно догадлив, академик! – хмыкнул грузин. – Мы действительно пришли за наркотой. Выкладывай на стол из своих шкафов все, что есть, из этого списка!

– Я не академик. И ничего из этого списка в лаборатории вы не найдете – мы занимаемся несколько иными задачами, – твердо произнес ученый, но осекся, услышав зловещий щелчок курка. Покосившись на стоявшую в трех шагах дочь, сказал: – Хорошо, у меня есть кое-что схожее с тем, что отображено в списке...

Он шагнул к одному из железных шкафов, отпер и отворил дверцу. Покопавшись в содержимом верхней полки, достал пузырек объемом около двухсот миллилитров:

– Вот, к примеру, нальбуфин. Устроит?

– Что это за хрень?

– Заменитель бупренорфина. По общему характеру действия очень близок к пентазоцину.

– Базарь понятнее! – рявкнул бандит.

– Бупренорфин и пентазоцин значатся в ваших списках. А нальбуфин их полностью заменяет.

Отыскав в списке названные препараты, Каха удовлетворенно хмыкнул:

– Сойдет. А это что?

Мужчина подал упаковку ампул.

– Альфентанил – это аналог имеющегося в списке фентанила. Наркотический медикамент, анальгетик, устраняющий болевые ощущения. Продолжительность действия неболь-

шая, зато полная анестезия наступает всего через пару минут.

– Берем. Давай еще, – приняв ампулы, командовал грузин. – Выкладывай все, что есть!

– Мне больше нечего предложить, – развел руками доктор.

От двери послышался глуповатый смешок Барсукова.

Каха насупил брови и кивнул в сторону «трофеев»:

– Ты хочешь сказать, что мы пришли сюда ради этой мелочи?!

– Прошу прощения, но вас кто-то ввел в заблуждение. Лаборатория давно не финансируется, сотрудники восемь месяцев не получали зарплату и еле выживают...

– Дай-ка ключи. Сейчас мы проверим, как вы тут выживаете.

– Не надо, прошу вас! Там находятся результаты опытов! – Доктор спрятал связку за спину.

– Она тебе кто? – кивнув на девчонку, нехорошо улыбнулся грузин.

– Дочь.

– Дай ключи, если хочешь, чтобы она осталась с тобой.

Врач молча отдал связку.

Спустя минуту в лаборатории начался форменный обыск: Каха поочередно доставал всевозможные упаковки, читал названия, в которых ничего не смыслил, и вопросительно глядел на ученого. Тот, удерживаемый Барсуком, скорого-

воркой пояснял назначение препарата и беспрестанно повторял:

– Пожалуйста, осторожнее! Ради всего святого, будьте осторожнее – это очень опасное вещество!

Извлекая с нижних полок пузырьки и колбы, Каха и впрямь соблюдал осторожность. А когда дело дошло до содержимого верхней части шкафа, допустил оплошность.

– Умоляю, будьте предельно аккуратны с этим сосудом! – простонал доктор, когда грузин выудил на свет герметичную колбу из толстого стекла.

– Что внутри?! – рывкнул Каха.

– Сжиженный газ, – запинаясь, пробормотал руководитель лаборатории. Дать более полного объяснения он почему-то не решился.

Газы бандитов не интересовали. Они знали о наличии некоторых летучих веществ, неплохо заменяющих другую наркоту, но в кругу их постоянных клиентов подобное спросом не пользовалось.

Не сдерживая ярости из-за напрасно потраченного времени и столь же напрасного риска, грузин слишком резко тюкнул по столешнице доньшком сосуда. Послышался щелчок и шипение рвавшегося наружу содержимого.

– Надо немедленно уходить отсюда, – прошептал побледневший доктор. – Слышите?!

– Чего? – прогудел Барсук.

– Уходим! Бежим отсюда, если не хотите умереть!..

Бандит намеревался послать ученого куда подальше, но вдруг увидел лицо грузинского авторитета, стоящего рядом с треснувшей колбой.

Побледнев, Барсуков попятился к стенке...

\* \* \*

Лысый несколько раз выглядывал из окошка сторожевой будки на улицу. Обстановка оставалась спокойной: по дороге изредка проезжали машины, по заметенному снегом тротуару иногда топали прохожие. Улица шла из самого центра небольшого городка и заканчивалась у озера с водокачкой, посему и движение тут было слабым.

Опасности Лысый не видел, однако задержка товарищей настораживала.

Пожилой сторож пару раз дрыгал ногами, но в сознание не приходил. Бандит сгреб со стола пачку моршанской «Примы», закурил и снова выглянул в приоткрытое окно...

Дорога с тротуаром по-прежнему пустовали. Зато водила зачем-то вышел из темной иномарки...

«Отлить захотел, чучело, – усмехнулся Лысый. – Немудрено – третий час торчим у проклятой богадельни...»

Водила справил нужду, повернулся к машине и заметил торчащую из окна будки лысую голову.

– Скоро вы там? – выразительно вскинул он руки, подбежав на десяток метров.



Лысый пожал плечами:

– А я почему знаю? Я сам в этой будке реально очком на саксофоне играю. Велено ждать, значит, будем ждать...

Выбросив окурок, он слез с подоконника, поправил сползавшего со стула старика и... услышал звон разбитого стекла.

– Что за дела?! – приоткрыл он дверь.

Тихо. На внутренней территории никого. И вдруг сверху донесся истошный вопль.

Взгляд Лысого лихорадочно шарил по верхам. Несколько окон второго этажа забраны решетками. Одно разбито, а в проеме метался и орал на всю округу Барсуков.

В несколько прыжков Лысый преодолел неширокий двор, ворвался в здание и, выхватив пистолет, притормозил посреди холла. Слева по коридору торопливо шли люди в белых халатах; справа открывались двери...

– Стоять, суки! – выстрелил он для острастки в потолок. – Все по нормам и сидеть полчаса – не дергаться!

Взлетев на второй этаж, бандит безошибочно определил направление – пронзительные крики неслись из правого крыла.

– Здесь, – остановился он у двери с табличкой: «Лаборатория <sup>12</sup>».

Увиденное за дверью повергло его в шок.

Слева у стены в луже крови лежал незнакомый худощавый мужчина с красным месивом вместо лица. Над ним бес-

новалась перепачканная в крови девчонка лет семи-восьми: редела, тормошила, пыталась поднять мужчину...

А под окном с разбитыми стеклами главарь банды убивал Барсукова. Именно убивал: прижав одной рукой голову к решетке, другой наносил ужасающие удары и вырывал из тела куски мяса.

# Глава первая

*Российская Федерация, Белое море. Наше время*

Чего всегда не хватает любым спасателям, так это времени. В особенности, если трагедия случается под водой. Это такая же аксиома, как и то, что качественный офисный стол обязан выдерживать двоих.

Тревога зачастую звучит не тотчас после аварии, а спустя несколько часов: пока сигнал бедствия дойдет до спасательных служб, пока выяснится его источник, координаты... Поэтому после тревоги дорога каждая минута.

Итак, сигнал получен, место известно, и дежурные силы отряда боевых пловцов «Фрегат-22» поднимаются на борт специального самолета «Ил-76МДПС». Где-то в акватории Белого моря терпит бедствие российская подводная лодка, и нам поставлена задача выдернуть из холодных объятий смерти уцелевших моряков.

Трое моих ребят занимают места в спасательном катере «Гагара», остальные устраиваются на откидных сиденьях – до точки десантирования лететь более часа. На лицах сосредоточенность и спокойная уверенность. Основная специализация пловцов из моего отряда несколько иная, но в спасательных операциях нам приходится участвовать по несколько раз в год. Так что дело знакомое.

Аппарель поднята, двигатели выходят на повышенный режим работы. Самолет катится, выруливая на ВПП, разгоняется и плавно отрывается от бетона. Мы в воздухе – набираем высоту и скорость. Скорость в данном случае – наиважнейший элемент.

Оглядываю своих орлов. Все серьезные и собранные; движения экономны и немного смешны из-за нашей одежды. В северном полушарии сейчас в разгаре лето – температура воды в Норвежском море держится на уровне плюс одиннадцать градусов. Увы, это максимум, на который способны расщедриться тамошние широты. Неподготовленный человек без соответствующего снаряжения продержится час-полтора; подготовленный протянет немногим дольше. Исходя из данной арифметики, мы утеплились по максимуму: вначале натянули специальное тонкое бельешко, сшитое швами наружу; поверх него надели толстое шерстяное белье. А затем замуровали себя в многослойные гидрокомбинезоны мембранного типа, что гарантирует полное неудобство в полете и относительный комфорт под водой.

Прикрываю веки под ровное шипение турбин и расслабляюсь, ибо впереди нас ждет тяжелая работа...

Я – Черенков Евгений Арнольдович. По отцу – русский, по матери – украинец и немного белорус. Короче говоря, чистокровный славянин ростом под два метра и весом чуть более центнера. Недавно мне исполнилось тридцать шесть, но

я до сих пор отлично выдерживаю тяжелейшие психофизические нагрузки боевого пловца. Много лет ношу погоны капитана второго ранга и командую особым отрядом боевых пловцов «Фрегат-22», находящимся в подчинении руководителя одного из важнейших департаментов ФСБ.

Мои подчиненные – люди особого склада и закалки, прошедшие уникальную по сложности подготовку. Таких, как мы – не более сотни на всю Россию, что невероятно мало по сравнению с элитой сухопутных спецподразделений.

Год назад по приказу каких-то недоумков наш «Фрегат» расформировали, но не прошло и нескольких месяцев, как все тем же недоумкам понадобилась помощь профессионалов. О нас быстро вспомнили и столь же стремительно восстановили на службе.

\* \* \*

Размеренный гул четырех двигателей не усыпляет. Открываю глаза и упираюсь взглядом в оранжевый борт спасательного катера. Лениво рассматриваю знакомые контуры...

Спасательное судно десантируется с высоты от шестисот до полутора тысяч метров и комплектуется тремя спасательными плотами общей вместимостью до девяноста человек. Сам катер вмещает до двадцати человек, имеет запас топлива, провизии, пресной воды и способен преодолеть по штормящему морю до пятисот миль.

Вообще-то, АМПСК (авиационно-морской поисково-спасательный комплекс) на базе «Ил-76МДПС» – довольно старая штука, разработка которой стартовала в начале 80-х годов. Однако после известных революционных событий все научные изыскания в области спасения людей были прекращены из-за отсутствия финансирования – пришедшие к власти либералы предпочитали заниматься проблемами все-ленских масштабов, начисто позабыв о проблемах конкретных людей, живущих в той же несчастной полуразрушенной стране.

Комплекс делался с большим запасом научной прочности – некоторые решения и по сей день кажутся гениальными. К примеру, надежная парашютная система из десяти куполов или гайдропная система для ориентации катера по ветру при его приводнении.

– Хочешь послушать музыку? – кричит мой старинный друг Георгий Устюжанин, протягивая один наушник от маленького плеера.

Шумоизоляция фюзеляжа спасательного «Ил-76» здорово уступает пассажирскому варианту, поэтому приходится при общении надирать глотку.

Отмахиваюсь:

– Нет, я лучше посплю.

Снова закрываю глаза в надежде забыться хотя бы на четверть часа...

Моя карьера стартовала так давно, что я с трудом припо-

минаю первые шаги и первые успехи. Мама была профессиональным музыкантом и получала сто сорок рублей в месяц. Маловато, но мы не бедствовали. Она давала мне двадцать копеек, и я умудрялся на эти деньги прилично питаться в школьном буфете.

В жизни мне постоянно везло: я рос здоровым ребенком и бесплатно получил хорошее образование; верил в справедливость и мощь своей Родины; не боялся бандитов, педофилов, врачей и милиционеров; ходил в общедоступный бассейн, расположенный в квартале от дома. Пока я был несмышленным, мама трижды в неделю приводила меня в секцию плавания и сдавала тренеру – добродушному мужчине с седыми висками со сложным именем Вениамин Васильевич. С ним мне тоже сказочно повезло: во-первых, он был заслуженным мастером спорта и чемпионом Европы; а во-вторых, когда я повзрослел, поумнел и окреп, он взял меня с собой на Черное море, где к обычному снаряжению добавилась диковинная штука – акваланг. С той незабываемой поездки морские глубины стали для меня мечтой всей жизни.

Так незамысловато и буднично легкое увлечение, когда-то навязанное мамой «для общего развития мальчишеского организма», превратилось в серьезную спортивную карьеру: я показывал неплохие результаты, побеждал на чемпионатах, выигрывал кубки.



О подходе к заданной точке заранее предупреждает второй пилот, вывалившийся из кабины экипажа.

– Товарищ капитан второго ранга, – тормозит он меня за плечо. – Приступили к снижению. Через пятнадцать минут будем на месте.

– Понял, – слегка встряхиваю голову после мимолетного сна. – Не забудьте просигналить после выхода на боевой курс.

Десантироваться мы намерены с минимальной высоты в шестьсот метров, чтобы как можно точнее приводниться в заданной точке. Ведь под водой каждая сотня метров – это тоже потерянное время и силы.

Спасательная операция состоит из четырех этапов. Первый и наименее сложный – дорога до места трагедии, десантирование, приводнение и сбор группы. Второй этап – подбор спасательным катером с поверхности моря подводников, сумевших самостоятельно покинуть затонувшую подлодку. Третий, наиболее канительный и требующий определенных навыков, – погружение и спасение членов экипажа, оставшихся внутри отсеков аварийной субмарины. И заключительный этап – эвакуация всех пловцов и спасенных подводников на подошедший надводный корабль.

Небольшим экипажем «Гагары» командует Анатолий



Степанов – капитан третьего ранга, надежный и достаточно опытный моряк. Я же возглавляю четыре пары пловцов, готовых отправиться на глубину пятьдесят метров – к лежащей на грунте дизельной подводной лодке.

Медленно открывается задняя аппарель. Готово.

Звучит сигнал, и нервно мигает оранжевая лампа. Мы поднимаемся, проверяем снаряжение и ждем, пока вниз ухнет массивный спасательный катер...

К совершеннолетию мне удалось дважды выиграть чемпионат России по подводному плаванию. Скорее всего, на этих соревнованиях меня и заметили ребята из Комитета госбезопасности. За три месяца до окончания средней школы я получил вежливое приглашение в управление КГБ. В задушевной беседе мне предложили зачисление без вступительных экзаменов в Питерское высшее военно-морское училище.

Я задал единственный вопрос:

– А к подводному плаванию моя будущая служба имеет отношение?

– Разумеется, – по-доброму усмехнулся пожилой дядька в штатском костюме. И не обманул.

Дав согласие, я примерил курсантскую форму и в течение двух лет постигал азы военной службы с практикой на кораблях и подводных лодках.

КГБ тем временем лихорадило от реформ и бесконечных

переименований. Как только не называли нашу «контору» – КГБ РСФСР, АФБ, МБ, ФСК... К моменту моего перевода из военно-морского училища в закрытую школу боевых пловцов первые лица государства наконец-то определились – правопреемницей ФСК стала Федеральная служба безопасности.

Минули еще два года напряженной, но крайне интересной учебы. Сдав последние экзамены, я получил диплом, лейтенантские погоны и направление в недавно созданный отряд боевых пловцов «Фрегат-22».

\* \* \*

«Никто не имеет права самостоятельно покинуть аварийный отсек...» – вспоминаю строчки из Наставления по борьбе за живучесть подводных лодок, пока над головой белет купол парашюта, а снизу медленно наползает безбрежное море.

Мы над точкой.

Сегодня относительно спокойная погода с неплохой видимостью. Вдалеке на фоне серо-голубого неба затихает гул авиационных двигателей – наш самолет уходит обратно на базу. Внизу покачивается букет из куполов. Катер тяжел, поэтому всегда покидает внутренности десантной кабины первым. Неподалеку от меня готовятся к приводнению товарищи. Далеко на горизонте видна полоска суши – восточный

берег Двинской губы, а на ее фоне отчаянно дымит спасательное судно с бригадой врачей. Его задача – как можно скорее прибыть к месту подъема выживших подводников.

Вскоре различаю на поверхности моря два десятка моряков, одетых в оранжевые гидрокостюмы, держащихся поблизости от качающегося на волнах аварийного буй. Этот буй – большая красно-белая штуковина – и является целью нашего десантирования.

Мы снижаемся южнее цели метров на сто – почти идеальный результат.

Готовлюсь к приводнению: отстегиваю карабины нижних обхватов системы основного парашюта, вторично проверяю дыхательный аппарат, плотность обхвата шейного и нарукавных обтюраторов... Под левым рукавом я по давней привычке таскаю на глубину сигнальный патрон. Иной раз не знаешь, где доведется всплыть, и патрон в таких случаях выручает.

Пора. Надеваю полнолицевую маску и разворачиваю управляемый купол против ветра.

Снаряжения у нас по минимуму – ни оружия с боеприпасами, ни подводных буксировщиков с запасными баллонами дыхательной смеси. Только ножи, фонари и по паре старых, надежных «ИДА-59» – индивидуальных дыхательных аппаратов для тех, кого придется вызволять из подводного плена. Причины скромности наших запасов банальны: во-первых, операция носит исключительно мирный характер; а во-вто-

рых, грузоподъемность парашютов ограничена ста двадцатью килограммами.

Вхожу в воду. Теперь главное – побыстрее освободиться от подвесной системы, осмотреться и установить гидроакустическую связь с товарищами. Затем собраться в группу и... вниз, на глубину.

Парашютный шелк, плавно увлекаемый легким ветерком, ложится на поверхность. Кажется, все идет нормально. Сделав пару глубоких вдохов, гляжу по сторонам...

Георгий Устюжанин рядом. На границе видимости (а она где-то на уровне тридцати пяти метров) нахожу второго пловца. По манере движений узнаю Игоря Фурцева – капитан-лейтенанта и моего бессменного напарника.

Что ж, пора браться за дело.

Включаю навигационно-спасательную панель с цветным экраном, отображающим великолепную картинку со сканирующего гидролокатора кругового обзора. Весьма надежная и подчас незаменимая штукавина. Немного тяжеловата – в воде ее вес составляет около трех килограммов, зато полностью заменяет глаза в радиусе до сотни метров, показывая рельеф подстилающего грунта, объекты и крупные предметы, группы водолазов и даже косяки мелкой рыбы. Все это пеленгуется и графически отображается на экране с выводом подробных данных о геометрических размерах, дистанции, пеленге, высоте расположения от уровня дна.

Мои парни должны приводниться довольно кучно – не да-

лее двухсот метров от спасательного катера.

– Группа, я Скат, – плотнее прижимаю к щеке маленький микрофон, установленный под полнолицевой маской. – Докладить состояние.

Семь пловцов поочередно выходят на связь.

– Понял. Точка сбора – аварийный буй.

Первый этап спасательной операции завершается – через несколько минут мы соберемся в названной точке и пойдем на глубину...

Методика подготовки моих ребят во «Фрегате-22» является величайшей тайной для конкурентов: итальянцев, немцев, американцев, французов и англичан. Да, когда-то советским пловцам приходилось у них учиться, теперь же эти господа не прочь позаимствовать кое-что из наших технологий создания идеального боевого пловца.

Впрочем, о некоторых тестах, не входящих в перечень секретных, упомянуть не возбраняется.

К примеру, можно рассказать о марш-броске, ласково называемом «тридцаточкой». В его названии отражена вся суть: дистанция – тридцать километров, вес снаряжения – тридцать килограммов. Чтобы попасть в ряды «Фрегата», необходимо просто преодолеть эту дистанцию легким бегом – не останавливаясь и не переходя на шаг. Справился – милости просим. Разок сбился – до свиданья. Кстати, после зачисления эту же «тридцаточку» боевому пловцу придется

бегать уже на время. А это гораздо сложнее.

Или тест под названием «Труба». Все пловцы «Фрегата» имеют за плечами неплохую подводную подготовку – как теорию, так и практику. Однако не всякому доводилось ходить на подлодках и тем паче покидать ее через торпедный аппарат. А в нашей специфике подобный экстрим случается довольно часто. Вот и приучаем новичков к «прелестям» замкнутого пространства. Вначале они налегке ползают по сухой трубе диаметром 533 мм, затем труба понемногу заполняется водой. Заканчивается сие шоу прохождением сквозь заполненную водой трубу в снаряжении: в гидрокombineзоне, с ребризером, в маске и ластах, с фонарем и оружием. Это тяжело, и справляются не все.

Ну и на закуску последний тест под названием «Буду резать, буду бить – с кем останешься дружить?»

Всякому известно, что на средних и больших глубинах пловцы (и не только боевые) работают исключительно парами. Значит, должна быть психологическая совместимость, умение ладить. Для выявления проблемных людей всех бойцов загоняют в аудиторию, раздают ксерокопии списочного состава группы. Напротив каждой фамилии боец обязан начертать цифру, обозначающую, в какую очередь он готов пойти с этим товарищем на боевое задание: в первую, во вторую, в пятую, в десятую... Затем анонимные анкеты собираются, цифири складываются, и обладатели рекордных показателей автоматически отсеиваются, даже если на других

тестах они были лучшими. Увы, но умение уживаться в коллективе – одна из важнейших составляющих нашей тяжелой службы.

\* \* \*

Собравшись около аварийного бую, пытаемся связаться с подводниками с помощью телефонной связи, предусмотренной в конструкции бую.

Не выходит. То ли не работает связь, то ли в отсеке под аварийным шлюзовым люком никого нет.

Экипаж «Гагары» приступает к реализации второго этапа спасательной операции – спускает на воду один из трех плотов и оперативно принимает на его борт плавающих на поверхности моряков. Ну а моя группа приступает к погружению...

Медленно опускаемся в пучину, держа в поле зрения полосатый фал. Нижний его конец закреплен рядом с кормовым аварийным люком, к верхнему накрепко привязан аварийный буй.

Благодаря ничтожному количеству планктона и неорганики, вода в холодных северных морях невероятно прозрачна. Горизонтальная видимость иной раз доходит до семидесяти метров. Значение вертикальной, конечно, поскуромнее, но тому виной не вода, а положение нашего светила. Фокус заключается в том, что солнце в заполярных районах нико-

гда не поднимается высоко над горизонтом, а от данного параметра напрямую зависит освещенность объектов и дна на глубине. Наиболее глубоко лучи проникают на экваторе, когда солнышко находится в зените. Погружаясь в океан в тропических широтах, порой кажется, будто различаешь рельеф дна на полукилометровой глубине...

«Наша задача будет посложнее, чем у экипажа спасательного катера», – пристально вглядываюсь в экран навигационной панели. Крепкий фал ярко-белого цвета уходит от аварийного буя вертикально вниз – к неподвижной подлодке. Однако тонкий луч сканирующего гидролокатора накручивает обороты, а цели пока не находит...

При достижении двадцати метров даю команду дежурной паре остаться. На относительно небольшой глубине расход дыхательной смеси значительно меньше, поэтому при нештатной ситуации эта пара всегда сможет прийти на помощь.

Продолжаем погружение.

На тридцати метрах луч рисует долгожданные контуры крупного объекта, находящегося точно под нами. Включаем фонари – на такой глубине без источников света все равно что ночью на деревенской околице.

Сорок метров. Есть визуальный контакт со стоящей на ровном киле субмариной! Фал аварийного буя приводит нас к ее кормовому отсеку. Расходимся и тремя парами производим осмотр подлодки на предмет внешних повреждений...



Я довольно быстро распознаю в одновальном подводном корабле с убирающимися горизонтальными рулями перед ограждением рубки хорошо знакомую мне технику: проект 877 «Палтус», часто называемый «Варшавянка». Наши «друзья» из НАТО за низкий уровень шумов уважительно величают эту дизельюху «Черной дырой».

Выключаю фонарь и тыльной стороной его монолитного корпуса четырежды стучу по крышке кормового люка, устроенного по принципу шлюза. Тишина, означающая отсутствие людей внутри кормового отсека. О худшем пока думать не хочется.

Беру курс на носовую часть – торпедные аппараты у данного проекта имеются только спереди. Плыдем по-над ровным круглым корпусом, обходим узкую рубку и короткие рули, похожие на крылья. Приехали. Мы около крышки левого верхнего аппарата. Очередная попытка связаться с выжившими посредством ударов по легкому корпусу.

Для связи с экипажем я использую элементы международного подводного языка. Его обязан знать каждый моряк. Язык до безобразия прост: один удар означает вопрос «Как ты?»; одиночный удар в ответ – «Все в норме». Два удара – «Проверь запас воздуха». Три – «Начинай (или начинаю) подъем на поверхность». Четыре – «Тревога, немедленно выходи (или выхожу)». Есть и более сложные системы подводного общения при помощи стука, однако мы обойдемся простейшим кодом. Чем проще, тем понятнее.

Выждав несколько секунд, выдаю третью серию ударов с равными промежутками времени.

Наконец слышим ответный стук по крепкому металлу прочного корпуса. А еще через секунду две верхние крышки бесшумно отходят в сторону, открывая темные жерла торпедных аппаратов.

Две пары во главе со мной остаются снаружи, пара Георгия Устюжанина готовится к визиту внутрь...

## Глава вторая

*Российская Федерация; одна из бухт восточного побережья Байкала. Несколько дней назад*

Дорога была длинной, утомительной и волнующей.

Из Москвы до Улан-Удэ Воронин с Машей добрались обычным рейсовым самолетом, далее военный вертолет перебросил их на окраину небольшого рыбацкого поселка, раскинувшегося на берегу обширной бухты.

– Вам к пирсу, – махнул рукой один из летчиков.

– К какому? – старалась перекрычать шум двигателей и винтов девушка.

– Он там один – не промахнетесь. Удачи!

– И вам счастливо!..

Андрей Воронин – subtilный молодой человек, выше среднего роста. Щуплый, медлительный, с изрядно подсевшим зрением и неуверенной нескладной походкой. Однако когда речь заходит о его умственных способностях, критики умолкают – парень по-настоящему талантлив; преподаватели и научные руководители в один голос предрекают ему блестящую карьеру.

Мария Скобцева. Девушка, получившая от Господа сказочную и почти неземную красоту. Стройная шатенка среднего роста с высокими скулами, немного раскосыми зелеными глазами, мраморной кожей и роскошными формами. Во-

площение женственности и изящества. До обидчивости самостоятельна. До истерики окружающих часто меняет цвет волос, причёску и стиль одежды.

Спустившись к пирсу, парочка погрузила шмотки на катер и после сорока минут изнурительной качки взошла на борт плавучей платформы. До цели путешествия оставалось совсем немного – каких-то пятьдесят метров.

– Приветствуем! Мы вас ждали, – встретил их ослепительной улыбкой сорокалетний мужчина в потертых джинсах и полинялой футболке. Приняв багаж, он покашлял в кулак и представился: – Иван Ильич Иноземцев – доктор биологических наук, научный руководитель экспедиции.

Познакомившись, троица переместилась в надстройку платформы и поднялась по трапу на жилую палубу.

– Устали? – повернул Иноземцев в коридор с каютами.

Воронин пожал плечами, а девушка лукавить не стала:

– Есть немного.

– Усталость – дело поправимое. Скоро отоспитесь, отлежите бока и прочитаете все книги из нашей скромной библиотеки.

– Как отлежим бока? – удивился Воронин. – Нам говорили, будто у вас полно работы и не хватает сотрудников...

– Правильно говорили. Только вы забыли о карантине, который обязателен для всех новых сотрудников, получивших доступ в подводную лабораторию. Две недели абсолютного покоя под строгим наблюдением врачей.

Все верно: в Москве перед отправкой на Байкал им сказали о предстоящем карантине. Вот только о его длительности упомянуть забыли.

– Две недели? – надломила тонкую бровь девушка.

– Увы, – развел руками Иноземцев, – врачи обязаны произвести осмотр, взять анализы, исследовать их... Короче говоря, целый комплекс мероприятий, ради того, чтобы на глубину ушли абсолютно здоровые сотрудники. Ну, вот мы и на месте, – поставил он сумку возле дверцы с номером «21», отпер ее и отдал ключ девушке. – Прошу. А ваши апартаменты, Андрей, напротив. Держите ключ...

Платформа представляла собой старую грузовую баржу, прошедшую капитальный ремонт и соответствующее переоборудование. Много лет назад на ней перевозили щебень, песок и другие строительные материалы, зато сейчас она выглядела не хуже солидной гостиницы для европейских туристов и любителей острых ощущений. В трюмах размещались склады, спортзал с тренажерами и сауна с закрытым бассейном. На первой палубе – посты связи и охраны, медблок со стационаром, камбуз и ряд служебных помещений для обработки полученных с глубины данных. Этажом выше находились полсотни комфортабельных кают для персонала, кают-компания с небольшим баром и солярий с открытым бассейном. Над второй палубой высилась ходовая рубка, крылья мостика и единственная мачта с ходовыми огнями и ан-

теннами.

В каютах обосновался разнообразный научный люд, так или иначе связанный с изучением гидросферы. По соседству проживали профессиональные моряки, медицинские работники и пловцы-охранники, должны оберегать ученых над и под водой от всевозможных напастей.

Огромную платформу удерживали на месте четыре мощных якорных цепи. «Зачем? – непременно воскликнул бы некомпетентный обыватель. – Ведь в тихой бухте отродясь не случилось сильных штормов!» – «Волнений выше пяти баллов в обозримом прошлом действительно не случилось, – спокойно возразили бы инженеры, конструкторы и те, кто отвечал за общий результат экспериментов. – Но к чему понапрасну рисковать? Платформа связана с подводной лабораторией паутиной стальных тросов, шлангов и кабелей, по которым на глубину поступает воздух и электропитание. Если верхнюю часть этого симбиоза сорвет ветром или ударом высокой волны, то возможны два варианта. Первый: довольно тяжелая лаборатория, корпус которой изготовлен из титана, останется на дне, но лишится энергии, что равносильно катастрофе. Второй и наихудший: стальные тросы выдержат, и платформа потащит за собой лабораторию до встречи с ближайшими скалами».

Да, приключись такое дело – последствия стали бы трагическими не только для исследователей морской флоры и фауны. Именно поэтому во время капремонта старую баржу

оснастили современным оборудованием: дизельным двигателем, системами управления, навигацией и средствами связи. А перед ходовыми испытаниями новенькое плавсредство принял профессиональный экипаж: капитан, два помощника, стармех, боцман, кок и шестеро матросов.

\* \* \*

Все в нашем мире скользко и относительно. Для кругосветки под парусом две недели – ничтожно мало, а для жизни в ограниченном пространстве – бесконечная пытка. Чем себя занять в пределах стоящей на приколе платформы молодым, полным энергии людям в течение полумесяца? Вся работа внизу – на глубине пятидесяти метров; развлечений тоже никаких. Если не считать трех эфирных телеканалов и осточертевшего бассейна.

– Я дочитал последнюю книгу, – с грустью констатировал Воронин за ужином в кают-компании. – У тебя есть что-нибудь почитать? Могли бы поменяться...

Мария подцепила на кончик вилки кусочек жареной рыбы, попробовала его, поморщилась и отодвинула тарелку.

– Есть несколько журналов, но они вряд ли тебя заинтересуют.

– Рукоделие? Косметика? Мода?...

– Да, обычные журналы для женщин. Я их, кстати, тоже давно прочитала.

– Чем же ты спасаешься от безделья? – недоумевал Андрей.

– Отсыпаюсь, пересматриваю любимые фильмы – в моем ноутбуке целая фильмотека.

– Тебе проще. А я обязательно должен проглотить десяток страниц перед сном. Придется листать литературу по ихтиологии.

Девушка едва сдержала улыбку. За несколько дней знакомства у нее сложилось о молодом человеке довольно противоречивое мнение. С одной стороны, Воронин был бесконечно увлечен наукой со всеми вытекающими последствиями: не пил, курил очень редко, драгоценное время на всякого рода глупости не разбазаривал; с другой – поражала его неприспособленность к современной жизни. Порой Маше казалось, что судьба свела ее с пятилетним ребенком, не умеющим завязать шнурков, не знающим, в каком месте переходить улицу, и не ведающим, сколько стоит в магазине хлеб.

– Могу подкинуть энциклопедию технического дайвинга, – предложила она.

Андрей ответил равнодушным взглядом.

– Признаться, я сыт по горло трехнедельной подготовкой в «Посейдоне».

– А мне понравилось! Имей я свободное время – обязательно стала бы членом этого дайвинг-клуба...

Первичную подготовку по подводному плаванию Мария с



Андреем прошли в московском дайвинг-клубе «Посейдон». Неделя теории, неделя занятий в бассейне и неделя практики в акватории Можайского водохранилища с погружением на максимальную глубину сертификации – восемнадцать метров. Основам худо-бедно научились, а главное – перестали бояться приличной, по их меркам, глубины.

Отодвинув занавеску, Мария посмотрела в окно. Километрах в четырех-пяти стояло на якорях бывшее прогулочное судно с трепыхавшимся на легком ветерке звездно-полосатым флагом...

«Как?! Почему здесь – в сердце России – обосновались проклятые пиндосы? – справедливо возмутился бы любой нормальный россиянин. – Почему наших соотечественников (не считая пьяных туристов) никто не видел на водной глади Великих озер, а эти чувствуют себя на Байкале как у себя дома?!»

А получилось все следующим образом. Лет пятнадцать назад американцы, прознав о создании подводной лаборатории на Байкале, отчего-то засуетились и потребовали включить в состав исследователей несколько своих ученых. Время тогда было сложное, положение ослабленной России и любившего выпить президента – шаткое. Покумекав и не пожелав обижать новых заокеанских друзей, кремлевские деятели предложили свой вариант: «Ввиду того, что штат российской подводной лаборатории полностью укомплектован, а программа исследований расписана на много лет вперед,

рекомендуем построить собственную лабораторию для изучения уникального пресноводного озера».

Американцы согласились. От создания подводной станции, правда, отказались и пошли другим путем: выкупили у Восточно-Сибирского речного пароходства старенький прогулочный кораблик, отремонтировали, переоснастили. В результате получилась великолепная мобильная лаборатория, с которой ученые из разных стран регулярно совершали погружения к байкальскому дну. На кормовой площадке кораблика рядом с мощным краном стояли два подводных аппарата – небольшой телеуправляемый робот и обитаемый двухместный красавец стоимостью несколько миллионов долларов.

Поглядывая на плавучую лабораторию американских коллег, Маша спросила:

– Интересно, как развлекаются американцы в свободное от работы время?

– О-о! – допив чай, засмеялся молодой человек. – У них с развлечением большие проблемы...

– Проблемы?! – не поняла девушка. – Я стажировалась в Штатах около года и никаких проблем не заметила.

– Ну, посуди сама: у нас только три способа отвлечься от работы – бассейн, телевизор и книги, а у них небось целый список из полусотни пунктов.

– Так уж и из полусотни? – не поверила Маша.

– Думаю, на борту лаборатории, определенно, имеется

приличный бар, казино, пара бассейнов с джакузи, кинотеатр...

– Наверное, ты прав. У американцев все продумано, и в умении хорошо расслабиться после напряженного трудового дня им не откажешь. Отработал на погружении, собрал нужный материал – и наверх, в нормальные каюты с теплым душем; обработал полученные данные – и отдыхай, как тебе вздумается. А у нас двухнедельная вахта со спартанскими условиями. Как в космосе... Представляешь, что нас ждет внизу?

– Внизу? – откинулся на спинку стула Воронин и расплылся в блаженной улыбке. – Внизу, Маша, мы займемся чрезвычайно интересной работой. Там будет некогда думать о всякой ерунде.

– Ерунде, – поморщившись, повторила девушка. – Между прочим, отдых – один из обязательных этапов трудовой деятельности. Без нормального отдыха здесь у нас не получится ударно потрудиться там, на глубине пятидесяти метров.

Промокнув губы салфеткой и в последний раз глянув на судно с американским флагом, девушка сухо попрощалась и покинула кают-компанию...

Подводная лаборатория, куда Марии и Андрею предстояло спуститься через несколько дней, состояла из пяти модулей: шлюзового, центрального (общего), жилого, рабочего и специального. Численность персонала варьировалась от четырех до восьми человек – в зависимости от частоты и слож-

ности научных экспериментов. Помимо ученых, на станции в обязательном порядке обитали два пловца, прикомандированных для охраны и сопровождения ученых под водой. Данные опытов и наблюдений передавались на платформу – в ведение научной группы, возглавляемой Иноземцевым. В этой группе были те же биологи, зоологи, ихтиологи, биохимики. Те ученые, чье здоровье позволяло, регулярно уходили на вахту вниз, остальные работали наверху.

Единственная подводная штуковина со схожими функциями находилась в другом полушарии – в национальном морском заповеднике «Флорида Киз», что раскинулся на многие мили на юго-востоке США. Американская лаборатория «Аквариус» выглядела поскромнее: четырнадцатиметровый стальной цилиндр, рассчитанный максимум на шестерых акванавтов; теснота, минимум оборудования и глубина положения в двадцать метров. Зато американцы трудились под эгидой НОАА и НАСА, имели более глобальные и сугубо научные цели: испытания физических возможностей акванавтов при длительном пребывании на Луне и Марсе. Задачи наших ученых ограничивались исследованиями растительного и животного мира Байкала и некоторыми закрытыми разработками в области химии.

Молодой и перспективный биолог Андрей Воронин получил направление в российскую подводную лабораторию «Ангар-004» после успешной защиты кандидатской диссертации. Мария Скобцева по основной специальности была

химиком и по каким-то причинам предпочитала не распространяться об организации, направившей ее на Байкал.

\* \* \*

Утром следующего дня девушка выпила чашку кофе и вышла на палубу проветриться после ночи в душной каюте. Пройдясь вдоль правого борта, она оказалась в районе кормы, где слышала приглушенные мужские голоса.

«Видимо, кто-то из команды», – решила она, направляясь к леерному ограждению.

Внизу на просторной кормовой площадке собралось около десятка человек. На восьмой день карантина Мария уже без особого труда узнавала многих членов команды.

«Старший помощник капитана, матрос, еще один матрос. Рядом покашливает в кулак Иноземцев, – вглядывалась она в лица мужчин. – А все остальные – пловцы-охранники».

Остальные действительно были пловцами, четверо из которых облачались в снаряжение.

– Доброе утро, Мария Сергеевна! – заметил ее Иноземцев.

– Здравствуйте, Иван Ильич, – улыбнулась девушка.

Пловцы и члены команды тотчас подняли головы и вразнобой поздоровались. Немудрено – красавица Скобцева давно обсуждалась мужским составом плавучей платформы. Из женщин на борту присутствовала шестидесятилетняя повариха Надежда Федоровна, полненькая медсестра Татьяна,

зоолог Инесса Максимовна, невзрачная лаборантка по имени Люба и ученый-химик Вера Александровна Реброва – холодная, строгая женщина неопределенного возраста.

Однако внешность всех здешних женщин проигрывала внешним данным Маши за явным преимуществом. Стройная, подтянутая, фигуристая; длинные волосы, приятное лицо с правильными чертами, чуть раскосыми глазами и озорными ямочками на щеках; бархатный голос и всегда приветливая улыбка – чем не мечта для любого мужчины, работающего вдали от дома и жены?...

– Что-то вы у нас совсем заскучали, – заметил руководитель научной группы. – Тяжело дается карантин?

– Да, признаться, я уже не знаю, чем себя занять. Журналы прочитаны, фильмы просмотрены, ровный загар получен...

– В таком случае советую хорошенько выспаться.

– Я и так сплю ровно половину суток. На большее я не способна.

– Между прочим, кошки проводят во сне две трети своей жизни.

– Жаль, что я не из семейства кошачьих.

– М-да-а, – озадаченно протянул доктор наук. – А ведь вам еще шесть дней бездельничать, верно?

– Увы...

Дабы не отвлекать людей от работы, Мария неспешно пошла вдоль кормового ограждения. Тем временем Иноземцев, что-то наскоро обсудив с пловцами, окликнул:

– Мария Сергеевна!

– Да, – обернулась она.

– А не желаете совершить небольшую подводную прогулку?

– Вы серьезно?

– Абсолютно. Мы тут с товарищами посовещались и единодушно решили, что вам пора немного развеяться.

– Я бы с огромным удовольствием, – все еще не веря в удачу, сказала Маша. – А это действительно возможно?

– Не вижу препятствий, – воскликнул Иван Ильич. – Надейтесь купальник, зовите своего коллегу и спускайтесь на площадку. Мы ждем...

\* \* \*

Молодые ученые не заставили себя ждать и вскоре спустились на ютовую площадку в пляжных нарядах, в резиновых тапочках и с большими полотенцами. Один из пловцов – подтянутый тридцатилетний красавчик, представившийся Виктором Сидельниковым, занялся подборкой гидрокостюмов.

Спустя несколько минут молодые люди походили на бывалых аквалангистов: Воронин прилаживал к бедру нож, а девушка застегивала лямки акваланга и вполуха слушала Виктора, объяснявшего разницу между любительским и техническим дайвингом.

– Ага, понятно, – бормотала она. Прогулка ее не пугала, а вот неизбежное путешествие до лаборатории под пятидесятиметровую толщу воды несколько настораживало. – Только, знаете... я никогда на такую глубину не ходила.

– Ничего страшного – мы все когда-то начинали с нуля. Кстати, год назад похожая на вас барышня установила на Байкале рекорд погружения – достигла ста тридцати метров.

– Ого, смелая женщина! А как же декомпрессия? Ей, наверное, пришлось подниматься с продолжительными остановками или сидеть потом в барокамере?

– Остановки были, но скорее для подстраховки. А вообще-то для ходок «туда-и-обратно» мы используем нитрокс – смесь с высоким процентным содержанием кислорода.

– Да, я слышала о такой, – кивнула Скобцева. – Благодаря этой смеси в крови снижается до минимума количество опасного азота.

– Совершенно верно. А для выходов из лаборатории с целью исследования мы забиваем в аппараты донную смесь с минимальным содержанием кислорода.

– А каков рекорд погружения среди российских дайверов?

– Сто восемьдесят пять метров. Иван Горбенко на Голубом озере в Кабардино-Балкарии, – четко ответил пловец, проверяя дыхательный аппарат. – Но поговаривают, будто несколько парней из российского отряда боевых пловцов «Фрегат-22» совершали погружения на триста метров.

У девушки захватило дух от озвученных цифр и поче-



му-то стало стыдно: похожая на нее молодая женщина опускалась на сто тридцать метров, а она боится отправиться на пятьдесят.

– Все нормально, – закончил осмотр снаряжения Виктор. – Проходите к трапу.

Подхватив ласты, молодые люди осторожно подошли к краю площадки. Андрей опасливо нащупал ногой первую ступеньку шаткого сооружения; Мария же, не задерживаясь, отважно шагнула в сторону небольшой террасы, прилаженной к борту платформы. На ней уже поджидали остальные пловцы с багажом – четыремя герметичными контейнерами.

– Обычный еженедельный рейс, – пояснил все тот же наставник, спускавшийся вниз последним. – Внутри контейнеров свежие продукты, чистая обеззараженная вода и кое-какие документы от руководителя научной группы.

– Документы? – удивленно вскинул брови Воронов. – Неужели здесь все еще пользуются бумажной документацией?!

– Если не ошибаюсь, ученые обмениваются информацией двумя способами: в электронном виде и в бумажном.

– Наверное, для надежности, – понятиливо кивнул Андрей. – А что поднимете наверх?

– Результаты опытов и наблюдений, пустую посуду...

Внизу Виктор в последний раз осмотрел снаряжение товарищей и командовал:

– Первая пара – пошли.

Два парня уселись на край террасы, подобрали загубники, надвинули на лица маски, открыли вентили баллонов и, подхватив контейнеры, ушли под воду.

– А мы? – нетерпеливо спросила Маша.

– Мы сопровождаем ребят до глубины двадцать пять метров и возвращаемся.

– Двадцать пять? – переспросил Андрей. В голосе послышалось беспокойство.

– Да, к глубине нужно привыкать постепенно. Сразу идти на пятьдесят опасно – состояние тревоги может перерасти в панику. А паника под водой крайне нежелательна.

\* \* \*

Мария, Андрей и вторая пара пловцов ушли под воду минутой позже.

«Боже, как здесь холодно! Можайское водохранилище – термальный источник по сравнению с Байкалом», – подумала девушка, ощутив ледяные объятия гидрокостюма. Он хоть и был многослойным, да холод все одно пробирал до костей.

Вода в Байкале даже летом не прогревалась выше десяти-двенадцати градусов, не считая некоторых бухт и заливов. Вот только смешная глубина этих заливов мало интересовала дайверов и ученых.

В первые мгновения взгляд Марии уперся в темный кор-

пус платформы и толстую якорную цепь, наискось перечеркивающую сине-зеленую толщу воды; стальные тросы, кабели и шланги уходили вниз строго вертикально.

Затем она заметила Андрея, неловко дергающего ногами; рядом с ним находился Виктор – сильный, складный, знающий себе цену; в каждом движении рациональность и грация, присущие уверенному хищнику.

Видимость была хорошей – метров пятнадцать-двадцать. У девушки захватило дух, когда далеко внизу мелькнули фигуры знакомых пловцов с блестящими контейнерами. В эту секунду она вдруг отчетливо поняла, что парит над приличной пропастью.

Похожие ощущения испытывал и Андрей. Но, в отличие от Марии, старавшейся хотя бы внешне оставаться спокойной, он не скрывал боязливости и беспокойства.

«Не нервничай. И просто держись рядом», – знаками посоветовал опытный пловец.

На какое-то время совет помог, однако чем дальше четверка уходила от платформы и чем темнее становилось вокруг – тем больший страх охватывал молодого биолога. Он постоянно крутил головой и беспорядочно дергал конечностями, отчего тело совершало непредсказуемые движения.

На пятнадцати метрах реакция Воронина на воображаемую угрозу достигла пика, и руководивший погружением Виктор решил вернуть его на платформу. Он внимательно посмотрел на девушку, убедился в ее адекватности и прика-

зал напарнику: «Забирай ученого и поднимайся на поверхность. А мы продолжим прогулку...»

– Зачем вам это? – кивнула Мария на висящую на ремне закрытую кобуру из искусственной кожи.

– А вы не догадываетесь?

– Неужели из-за американцев?

– Угадали. Нам выдали специальное оружие через неделю после того, как здесь появилось их судно.

– Но они же далеко – километрах в пяти!

– Расстояние ничего не значит – у них на борту глубоководные аппараты, мощные буксировщики, и при желании они через час будут под нами.

– Понятно, – вздохнула Маша.

– Но я ни на кого не намекал – договорились?

– Разумеется...

Они только что закончили путешествие, выбрались на террасу и поднялись по шаткому трапу на кормовую площадку. Девушка первым делом поинтересовалась состоянием коллеги.

– Все нормально, – успокоили ее.

– Скажите, он сможет преодолеть этот барьер? – освобождаясь от тесного гидрокостюма, тихо спросила она у Виктора.

– Проблема довольно серьезная, – мрачно ответил тот. – На «совести» паники восемьдесят процентов всех погибших

под водой. Так что если ваш товарищ не сумеет перебороть страх – на глубину его никто не пустит.

– Ужасно, – прошептала Мария дрожащими от холода губами. – Вы не представляете, что значит для Андрея лишиться возможности работать в этой лаборатории. Надо что-то сделать. Вы можете ему помочь?

Пловец подал девушке полотенце.

– Попробуем, запас времени у нас еще имеется. И вообще... Не стоит расстраиваться, ведь подобное на глубине случается не только с новичками.

– Вы серьезно? – с сомнением глянула она на уверенного и сильного мужчину.

– Абсолютно. Даже я имел «счастье» испытать панику на собственной шкуре.

– Ого! Расскажите?

Усмехнувшись, тот коротко изложил суть давней истории:

– Однажды пренебрег элементарной заповедью и пошел на большую глубину в чужой маске. Вначале из-за неплотного прилегания к лицу маска слегка подтекала, заставляя периодически останавливаться и продувать ее. У отметки в полсотни метров маска начала заполняться с угрожающей скоростью – ни черта не видно, глаза режет от морской воды, дыхание от частых остановок и продувок сбилось, запас воздуха тает...

Севшим голосом девушка спросила:

– И как вы поступили?

– Вот и я задавался таким же вопросом: что делать? Рвануть на остатках смеси вверх и заполучить тяжелую форму кессонки или же подниматься медленно и наверняка умереть от нехватки воздушной смеси?... Вот тогда у меня и включилась паника. Не могу сказать, как это выглядело со стороны, но все значимые события жизни вспомнились за пару секунд.

– Но ведь вы спаслись? – ошеломленно пробормотала Мария.

– Да. Помог товарищ, шедший впереди. Оглянувшись, увидел неладное, разобрался в проблеме и предложил подняться на своем баллоне. Так и выкарабкались.

– Здорово! Можно я расскажу эту историю Андрею? Вдруг она его приободрит?...

– Пожалуйста. И передайте еще одну фразу...

– Какую?

Виктор улыбнулся.

– У нас говорят так: старых смелых подводников не бывает.

# Глава третья

*Российская Федерация, Белое море. Наше время*

Гулкие удары по крепкому металлу прочного корпуса извещают о том, что внутри есть живые люди и что мы услышаны. Это, конечно же, радует.

Крышки верхних торпедных аппаратов бесшумно отходят в стороны, приглашая нас в тесные жерла.

Две пары во главе со мной остаются снаружи – наша задача заключается в сопровождении спасенных подводников к поверхности.

– Мы готовы, – докладывает Георгий Устюжанин, запиная в пустые трубы шестнадцать дыхательных аппаратов «ИДА».

По плану спасательных работ его пара обязана доставить их подводникам и организовать выход наружу шестерками – по три моряка через каждый аппарат. В аварийной ситуации все это сделать не так просто, как кажется.

– Действуйте. – Помогаю Георгию забраться внутрь трубы торпедного аппарата.

Вскоре раздается стук, разрешающий закрыть внешние крышки и откачать воду. Торпедные аппараты так же бесшумно закрываются. Слышны щелчки клапанов и шипение воздуха.

Ждем...

Проходит пять минут, десять, пятнадцать...

Наконец доносятся слабые звуки, характерные для подготовки к использованию аппаратов в качестве шлюзов: стук, щелчки клапанов, журчание воды.

Мы дежури́м у выходов из верхних аппаратов. Это тоже одно из негласных правил подводников: использовать для спасения верхние аппараты, так как нижние уязвимы при ударе субмарины о дно или же их выходы могут зарыться в рыхлый грунт.

Обе крышки плавно уходят в стороны. Приступаем к своей работе: помогаем выбраться наружу первым спасенным. При этом стараемся успокоить ребят, ведь среди них в основном молоденькие матросы с неокрепшей психикой.

Один из подводников выволок буй-выюшку и пытается объясниться с нами на пальцах.

Безошибочно определяю в нем старшего этой шестерки – офицера или мичмана.

«Сколько вас?» – показываю на лодку.

«Двадцать», – сигнализирует он.

«Раненые есть?»

«Один тяжелый, двое легких».

«Понял. Готовьтесь к подъему...»

Мои ребята цепляют конец буйрепа за кронштейн и разматывают катушку. Пронумерованные шары-мусинги медленно двигаются вверх, увлекаемые оранжевым бум-вюш-



кой.

Пока все идет по плану: сформировав первую шестерку, отправляю ее наверх в сопровождении Игоря Фурцева. Внешние крышки тем временем закрываются – в носовом торпедном отсеке готовится к выходу следующая партия.

Смотрю на манометр. Давление в баллонах немного упало, но времени для нашей работы еще предостаточно...

В подводных операциях мы используем ребризеры (re-breathe – повторный вдох) замкнутого цикла с электронным управлением. Это самые незаметные дыхательные аппараты, в которых углекислый газ поглощается химическим составом регенеративных патронов. В процессе дыхания смесь постоянно обогащается так называемой «донной смесью» (кислородом с дилуэнтom, содержащим воздух, нитрокс или смесь на основе гелия) и снова подается на вдох. Ценность аппаратов подобного класса обусловлена наличием микропроцессора, дозирующего кислород в зависимости от глубины. За счет автоматической дозировки происходит эффективная и быстрая декомпрессия, подчас не требующая выполнения «глубокой площадки» на двадцати четырех, и двух мелководных – на двенадцати и шести метрах. В нижней части ребризера размещен двухлитровый резервный баллон, наполненный обычным воздухом. Он предназначен для аварийного всплытия с глубины пятнадцать-двадцать метров и поэтому шутливо именуется «парашютом дайвера».

Эвакуация происходит нормально: за первой шестеркой вверх ушла вторая; из труб верхних торпедных аппаратов мы готовимся встретить следующую шестерку. И вдруг происходит сбой: один из молодых матросов (второй в левом верхнем аппарате) запаниковал и застрял посередине.

Вообще-то назвать торпедный аппарат трубой не совсем правильно. Внутренность обычной трубы гладкая, а тут чего только нет: направляющие дорожки, датчики всевозможных приборов, обтюрирующие кольца, отверстия клапанов осушения и вентиляции, зацепы, шпиндели, наварыши и прочая чертовщина, подчас мешающая продвижению подводника. Что-то из вышеперечисленного мальчишку и «поймало».

Я осветил себя фонарем и красноречиво показал: «Не дергайся! Сейчас поможем».

Вытянув вперед руки, ныряю в трубу. Кто-то из товарищей подталкивает за ноги, помогая протиснуться в тесную утробу и добраться до бедолаги.

Состояние у него хреновое: ворочается, трясет башкой, мычит. Лекарство для таких случаев одно, и других не придумано – резко ударив по рукам, сую кулак под выпученные стекла оранжевого шлема.

«Понял?»

«Да-да, понял», – кивает он.

Ощупываю костюм, снаряжение, тяну на себя... Не получается – что-то удерживает его на месте.

Во второй попытке принимает участие подводник, находящийся у задней крышки аппарата. Я тяну застрявшего моряка на себя, тот толкает. И тоже безуспешно.

«Нет, так дело не пойдет!» – Прекращаю силовое решение проблемы. Еще немного, и мы разорвем его гидрокомбинезон, а это чревато летальным исходом.

– Миша, утрамбуй меня хорошенько и просигналь – пусть закрывают, – спокойным голосом обращаюсь к Жуку.

Миша усердно трамбует, затем стучит по корпусу лодки. В ответ закрываются передние крышки; шипит воздух, вытесняющий из аппарата воду...

Через минуту давление воздуха выравнено. Открываются задние крышки, мокрые стенки трубы поблескивают, отражая тусклый свет аварийных ламп носового отсека.

Стягиваю с лица маску и рычу:

– Вылезай!

Два паренька, включая неуклюжего салагу, шустро покидают шлюз...

Лишь в середине лета вода в Белом море прогревается до тринадцати градусов. Однако сия роскошь касается исключительно поверхностных слоев, тогда как на глубине пятидесяти метров даже в начале августа вода остается ледяной.

Исходя из данной арифметики, мы используем самую теп-

лую рабочую одежду – так называемые «сухари», или гидрокомбинезоны-мембраны сухого типа. Они полностью изолируют тело от смертельного холода и обеспечивают относительный комфорт на глубине.

Многие подводники недолюбливают данный прикид из-за непростой процедуры одевания, а также за жесткий и тягловатый материал. Но, как говорится, здоровье дороже, ибо переохлаждение сулит куда большие неприятности. Это факт.

Поначалу для обогрева комбинезонов мы использовали носимые на пояском ремне аккумуляторные батареи, питающие эластичные нагревательные элементы под ближайшим к телу слоем ткани. Позже перешли на систему аргонного поддува, состоящую из маленького баллона, редуктора и шланга. На приличной глубине, когда давление с силой обжимает сухой гидрокомбинезон, между ним и телом практически не остается теплоизолирующей воздушной прослойки, что ускоряет потерю драгоценного тепла. Вот тогда пловец и подтравливает под костюм инертный газ. Вспотеть система не позволяет и эффективно работает не дольше тридцати-сорока минут. И все же в критические моменты помогает.

Да, к сожалению, прошли те времена, когда мы использовали в своей работе отечественное снаряжение. Ныне разработка и производство родной «снаряги» безнадежно отстает, а кое-что вообще не выпускается. Приходится довольствоваться раритетами или вкладывать деньги в развитие забу-

горных компаний. А жаль, ведь некоторые из наших «штучек» до сих пор остаются непревзойденными по тактико-техническим данным. Даже при всей их неказистой топорности.

Ладно, хватит о грустном. Пора заканчивать спасательную операцию...

В торпедном отсеке нас встречают Устюжанин с напарником и два оставшихся подводника из экипажа терпящей бедствие субмарины. Слабый свет аварийных ламп, тяжелый воздух, насыщенный углекислым газом, гнетущая тишина, нарушаемая звонкой каплей воды.

Георгий взволнован.

– Что стряслось? Почему вернулись?

Вкратце объясняю причину, а мальчишка-матрос – виновник происшествия – стоит, понуро опустив голову.

– В чем дело, моряк? Я же тебя инструктировал! – осматривает Устюжанин его костюм на предмет повреждений.

– Виноват, – шмыгает тот носом. – Зацепился за что-то лямкой дыхательного аппарата...

– Ладно, не дрейфь – сейчас организуем вторую попытку.

Я тоже стараюсь поддержать новичка:

– Попробуешь ползти, слегка повернувшись на бок. Так проще, усек?

– Так точно...

Пора решить главный вопрос. Дело в том, что торпедные аппараты и аварийно-спасательные люки центрального или

кормового отсеков имеют лишь одно общее назначение – возможность использовать их как шлюзовые камеры. Зато отличий хоть отбавляй, и одно из главных заключается в том, что последние подводники, уходящие через люк, выполняют шлюзование самостоятельно: закрывают или открывают его крышки, заполняют водой или осушают, выравнивают давление... А управление торпедными аппаратами производится исключительно из торпедного отсека. Отсюда вытекает интересная особенность: последний моряк, покидающий субмарину через трубу аппарата, прежде обязан затопить носовой отсек и выровнять его давление с внешним и только после этого открыть обе крышки.

Оборачиваюсь к Устюжанину:

– Кто останется?

– Я, конечно! – искренне удивляется он вопросу.

– Это почему же?

– Ты же по плану работаешь снаружи. А я тут...

– Хорошо, – соглашаюсь, отлично понимая, что старый товарищ не уступает мне ни в знаниях, ни в опыте, ни в силе желания поскорее завершить спасательную операцию.

Мы меняем матросам аппараты (старых может не хватить на вторую попытку), запикиваем нашего «героя» первым в сухую левую трубу и дожидаемся, пока он не упрется головой в переднюю крышку.

– Дополз? – нависаю над отверстием.

– Так точно! Дальше некуда.

– Ну, слава богу...

\* \* \*

Нервотрепка закончилась нашей победой. Неторопливо отсчитывая мусинги и часто выполняя «площадки», мы поднимаемся на поверхность. В последней партии нас девять человек. Два матросика, возвращавшихся в носовой отсек из-за неудачной попытки покинуть лодку, офицер с мичманом, замыкавшие выход через торпедные аппараты, Устюжанин с напарником, пара пловцов Жук– Савченко и я.

Всплываем неподалеку от аварийного буя.

Все подводники давно подобраны с поверхности и размещены на спасательных плотках и «Гагаре». Заметив наше появление, оранжевый катерок бойко подруливает; экипаж принимает на борт последних потерпевших бедствие.

– Чего так долго, командир? – помогает забраться на высокий борт Толя Степанов.

– Паренька одного учили ползать по-пластунски.

– Ясно, – смеется он.

– У вас как?

– Нормально. Все подняты; раненых и обмороженных нет. Связь со спасательным судном установлена, обещают через четверть часа подойти.

Оглядываю горизонт. Точно – пока мы ползали по узкой трубе, нещадно дымившее на горизонте судно успело пре-

одолевать два десятка миль. Ну и славнo, а то спасенные нами морячки изряднo промерзли за время подъема – все-таки их штатные гидрокoмбинезоны не сравнить с нашими...

С борта подошедшего судна опускают трап. Мы швартуем свою маломерную эскадру и помогаем взобраться по ступеням тем, кто еще недавно страстно мечтал увидеть солнце и вдохнуть прохладный свежий воздух. После поднимаемся на палубу сами.

– Товарищи пловцы! – кричит с мостика рубки капитан спасательного судна. – Кто из вас Евгений Арнольдович Черенков?

Стягивая с плеч лямки тяжелого ребризера, нехотя откликаюсь:

– Ну, я...

– Прошу подняться в рубку – с вами желает говорить командующий Северного флота.

О как! С чего бы такое внимание? Оставшись в одном гидрокoмбинезоне, поднимаюсь по трапу, принимаю трубку и представляюсь:

– Капитан второго ранга Черенков.

И вдруг слышу знакомый голос.

– Привет, Евгений. Как прошли учения?

– Нормально. Задачу по спасению части экипажа аварийной подлодки выполнили...

Да, все происходившее сегодня в акватории Белого моря было плановыми учениями Северного флота. К счастью,



на борту подводной лодки проекта 877 «Палтус» катастроф не случилось. Экипаж аккуратно положил ее на дно в заданном районе и выпустил аварийный буй. Получив сигнал бедствия, командование отправило несколько самолетов на поиски. Те обнаружили буй и установили точные координаты. Далее наступила наша очередь.

– Молодцы. Потерь нет?

– Все живы и здоровы.

Я насторожен, ибо разговариваю со своим шефом – генерал-лейтенантом ФСБ Горчаковым. Он у нас большой затейник и гигант мысли – не успеешь разобраться с одним заданием, как тебе в красках описывают суть следующего. Звонок же от имени командующего Северным флотом несколько не удивляет – Сергей Сергеевич Горчаков вхож в кабинеты любых министерств, штабов, главкоматов и управлений.

– Ну и славно, – говорит он загадочным голосом. – А теперь подготовь четыре пары своих ребят для дальней командировки.

– И куда же? – вздыхаю, поражаясь своей интуиции.

– На восток. О подробностях при встрече...

Резкий тон означает нежелание босса говорить на данную тему. Ладно – не буду.

Нет, на самом деле мой шеф интеллигент до мозга костей. Во-первых, скромен. Во-вторых, не разучился сомневаться в своих мыслях, убеждениях, поступках; а ведь поговаривают, сомнение – неотъемлемый признак русского интеллигента.

Наконец, в-третьих, он хорошо образован и воспитан, хотя иногда и покрикивает на нас.

– Учения пошли ребятам на пользу? – переводит он беседу в другое русло. Причем это русло для него – сухопутного генерала – такое же мутное, как для меня контрразведывательные операции возглавляемого им департамента.

– Для молодых подводников эти учения – бесценный опыт. Для нас – обычная работа.

– Черенков, ты в зеркало давно смотрел?

Ага, знаю я твои приколы.

– Утром заглядывал. Звезды во лбу и нимба над затылком не видел.

– А чего ж тогда звездишь?

– Правду говорю. Лучше бы отдохнуть дали парням. Не успели вернуться с архипелага Франца Иосифа, и снова на север – задницы морозить...

Он знает, что я прав, поэтому некоторое время молчит. Потом картинно возмущается:

– Неужели ты ничего не вынес из прошедших учений?

Я шумно втягиваю носом, делаю ехидное лицо и выдыхаю:

– Конечно, вынес! Лучше перебдеть, чем лишний труп на совести. Правильно?

– Ну-ка переведи на русский.

– Подлодки – на металлолом, личный состав – в дворники...

Горчаков тихо икнул и отключился...

Хорошо, что разговор закончился так. Обычно в ответ на мои шуточки шеф посылает в розовую даль и желает много других непечатных радостей жизни.

Защелкиваю трубку на аппарате спутниковой связи и топаю вниз – пора переодеться, привести себя в порядок, подкрепиться и отдохнуть. Учения учениями, а выкладываться все равно приходится по полной.

Выйдя на палубу, замечаю всплывшую в пяти кабельтовых субмарину, команду которой мы спасали. Конечно же, большая часть экипажа осталась на борту, а в носовой отсек командир делегировал в основном необстрелянную молодежь – так сказать, для обкатки. Конечно же, Устюжанин не затапливал носовой отсек перед выходом, а лишь имитировал свои действия. Тем не менее подобные тренировки нужны, как воздух, и подводникам, и спасателям, и командованию флота. Коль иногда случаются на флоте аварийные ситуации, значит, все службы должны быть к ним подготовлены.

– Поблагодарили за службу? – встречая меня, посмеивается Устюжанин.

– Типа того, – бурчу в ответ. – И посоветовали паковать чемоданы в следующую командировку.

– Ого, какой на нас огромный спрос! Даже не знаешь, радоваться или печалиться. А куда?

– На восток.

– Хоть бы не на Дальний...

Мой друг прав: холодная вода порядком осточертела. Поэтому лучше поехать на Ближний. Там теплее...

## Глава четвертая

*Озеро Тахо, граница штатов Калифорния и Невада,  
США. Несколько лет назад*

Прочная продолговатая цистерна покоилась на дне озера под двенадцатиметровой толщей воды. На грунте исполинскую емкость, наполненную воздухом, удерживали четыре бетонных блока общим весом около десятка тонн. Солнечный свет едва пробивался на глубину, игриво лаская бликами поверхность довольно простой, но вместе с тем странной конструкции.

Из открытого люка, расположенного в нижней части цистерны, показалась чья-то голова в темном шлеме и маске для дайвинга. Октопус болтался рядом на шлангах, а плотно сжатые губы удерживали в легких добрый глоток воздуха.

Крутанувшись на триста шестьдесят градусов, пловец воровато осмотрел видимую придонную часть водоема. Убедившись, что вокруг никого нет, он исчез, дабы пристроить на место загубник и открыть баллонный вентиль. Затем бесшумно сполз из укрытия в воду и еще раз посмотрел по сторонам...

Пловец был среднего роста и обычного невыдающегося телосложения. Снаряжение состояло из черного гидрокостюма «мокрого» типа, простейшего одnobаллонного механического ребризера «RON», маски, ласт, фонаря, дай-

винг-компьютера на запястье, ножа и закрепленной сбоку на поясе специальной сумки.

Выдержав паузу, человек сверился с показаниями цифрового компаса и взял довольно резвый старт к югу от цистерны...

Три преследователя в современном снаряжении появились откуда-то сверху. Имея преимущество в скорости за счет специальных удлиненных ласт, они быстро настигли беглеца. Сверкнули лезвия ножей – закрутилась карусель жестокого подводного противостояния...

В первые минуты рукопашной схватки вышедший из цистерны пловец держался с противниками на равных. На то имелись свои причины. Во-первых, он был неплохо подготовлен физически. Во-вторых, не рассчитывая находиться в холодной воде более часа, он надел легкий гидрокостюм, обеспечивающий хорошую свободу движений, отличный обзор и более эффективное использование холодного оружия. Оппоненты же для длительного пребывания в засаде облачились в многослойное снаряжение «сухого» типа и теперь расплачивались меньшей подвижностью, затрудненным обзором и большей тратой сил на дыхание и передвижение. Наконец, в-третьих, тот, кого они поджидали в засаде около часа, находился в воде всего несколько минут, а это очень приличная фора. И беглец частично ее использовал.

Уклоняясь от ножевой атаки, его тело повернулось вокруг вертикальной оси. При этом он нанес нападавшему соперни-

ку удар локтем в голову, а вооруженной рукой выполнил заученное короткое движение. И соперник тотчас ушел к поверхности, оставляя за собой бледно-розовый шлейф.

Однако на том удача от беглеца отвернулась. То ли он быстро выдохся, то ли сказалось мастерство противостоящих боевых пловцов, но только разящие контратаки больше не проходили. Оставшиеся пловцы с легкостью зажали его с двух сторон, и через пару минут все было кончено...

\* \* \*

На поросшем травой берегу озера под сенью высоких деревьев в раскладном шезлонге восседал пожилой худощавый мужчина. Верхнюю часть лица скрывали большие темные очки, нижнюю – обрамляли седые усы с аккуратной бородкой. На коленях покоился открытый ноутбук, чуть поодаль на грунтовой дороге дожидался мини-вэн. Мужчина заметно нервничал, а взгляд неотрывно следил за водной рябью...

Он оставался неподвижен до тех пор, пока в сотне ярдов от берега не показался пловец. Завидев голову в шлеме и маске, он встрепенулся, отложив компьютер, встал и направился к воде.

Вскоре мужчина помогал пловцу, зажимавшему ладонью левый бок, выбраться на скользкую траву.

– Это серьезно? – кивнул он на рану.

– Нет – едва задело кожу. Но костюм можно выбрасывать.

– Черт с ним, с костюмом. Что скажешь?

– Сегодня лучше, – расстегнул пловец лямки акваланга. –

Гораздо лучше...

Оценка опытного профессионала обнадежила.

Однако радость была непродолжительной – буквально через пару минут на поверхности озера показались остальные участники подводного единоборства.

\* \* \*

– Я же неоднократно предупреждал тебя о необходимости проверить корпус лаборатории, прежде чем отправишься за буксировщиком, – выговаривал мужчина неприятным скрипучим голосом, выдавливая слова медленно и будто с неохотой. – Чтобы выследить добычу, пловцы-охранники способны устроить засаду где угодно! Они не обязаны поджидать тебя под шлюзовым люком. Они могут занять позицию рядом с люком, вокруг него и даже спрятавшись сверху конструкции подводной лаборатории, которую имитирует пустая цистерна...

Не получив ран, а также сохранив костюмы и снаряжение, два профессиональных пловца выглядели вполне сносно, чего нельзя было сказать о пойманном беглеце. На его костюме в нескольких местах зияли разрезы; стекая по плечу, на траву капала кровь; один из шлангов ребризера был выведен из строя, а у бедра болтались пустые ножны...



Бывший беглец снял маску, обнажив молодое женское лицо. А мужчина в очках продолжал сыпать замечания:

– Как же так? Мы приезжаем сюда дважды в неделю на протяжении трех месяцев. Скоро наступит октябрь, и вода станет невыносимо холодной. А положительного результата по-прежнему нет.

Стянув с головы резиновый шлем, девушка тряхнула головой, от чего по плечам рассыпались влажные темные волосы.

– Сколько у нас в запасе времени? – спросила она, освобождаясь от надоевшего костюма.

– До твоего отъезда два месяца. Всего два месяца.

Оставшись в купальнике, девушка стерла с руки кровь, подхватила полотенце и направилась к машине. На полпути, не оборачиваясь, бросила:

– Я постараюсь успеть.

Один из пловцов – по виду старший, – наклонившись к мужчине, зашептал:

– Алекс, будьте снисходительны! Я и мои ребята проходили подготовку, а затем служили в частях SEAL на протяжении семи лет. А Марго впервые надела дыхательный аппарат весной этого года.

Сделав какие-то пометки в текстовом файле, мужчина закрыл крышку ноутбука и тяжело поднялся из шезлонга. Распрямив затекшую спину, он коротко отрезал:

– Я лучше вас знаю, как заставить ее работать в полную

силу!

## Глава пятая

*Российская Федерация, одна из бухт восточного побережья Байкала. Несколько дней назад*

В середине второй карантинной недели старший пловец Виктор Сидельников организовал повторное тренировочное погружение для двух молодых ученых. Марию на этот раз он передал на попечение своему подчиненному, сам же не отходил от Воронина, подсказывая и всячески его поддерживая.

Помогло. Волнение биолога уже не было столь сильным, как во время предыдущего погружения. Он, безусловно, нервничал, но вида не показывал и старательно следовал советам инструктора. Спокойно прошли «десятку», затем отметку в пятнадцать метров. Андрей оставался вменяем. После «двадцатки», когда вокруг сгустилась темнота, он начал беспорядочно шарить фонарным лучом.

«Теряет пространственную ориентацию, – догадался Виктор. – Ему позарез нужно зацепиться за что-нибудь взглядом. Попутчики, тросы и кабели для этого не годятся – подошел бы освещенный клочок дна или элемент конструкции подводной лаборатории...» Мягко тронув ученого за руку, он указал вниз: смотри...

Воронин послушно опустил голову и успокоился, узрев сквозь толщу чистой байкальской воды желтоватые пятна. То несколько прожекторов освещало пространство возле

главного шлюза – пятиметровой титановой сферы. Восстановив ориентировку и оценив дистанцию до лаборатории, молодой биолог был готов погружаться до самого дна.

Прогресс позволил-таки достичь двадцати пяти метров. А самое главное – убедил опытного пловца-инструктора в способности Андрея преодолеть свой страх.

«Молодец, – показал Сидельников большой палец. – На сегодня достаточно. Начинаем подъем...»

После удачного погружения Андрей приободрился, повеселел. За ужином в кают-компании вел себя раскованно, рассказывал анекдоты и даже пытался ухаживать за Машей. По крайней мере, любуясь звездным небом на ютовой площадке, пару раз пытался ее обнять. Она радовалась его маленькой победе под водой, но здесь, на поверхности, вольностей не позволяла.

– Ступай-ка лучше в каюту, – мягко отстранившись, посоветовала девушка.

– Но почему? – возмущенно прошептал молодой человек.

– Тебе необходимо восстановить силы и выспаться. Нам скоро вниз...

Да, в этом она была безоговорочно права: Воронин действительно здорово вымотался в последнем погружении. Если бы Мария знала, чего ему стоило сдерживаться и не выкачивать волнения! Ведь, несмотря на все старания опытного пловца Виктора, большой глубины он по-прежнему боялся.

Окончание карантина совпало со сменой охраны – пары боевых пловцов, живущих в подводной лаборатории по две недели.

Подготовка к спуску происходила, как всегда, на ютовой площадке после легкого завтрака. Руководил подготовкой к спуску все тот же Сидельников. Иноземцев стоял поблизости и давал последние наставления молодым коллегам.

– В этом контейнере, – указывал он на герметичный ящик, чем-то смахивающий на импортный чемодан, – задания для биохимиков и биологов, несколько флешек, наборы реактивов и новый блок электронного управления для центрифуги. Теперь лично вы несете ответственность за его доставку в лабораторию.

– Понятно, Иван Ильич, – сосредоточенно отвечал Воронин.

Все, что говорилось научным руководителем, в большей степени касалось именно Андрея, так как он вливался в основную группу ученых, исследующих флору и фауну пресноводного озера. Инженер-химик Скобцева к этим исследованиям отношения не имела. Она отправлялась в специальный модуль лаборатории для выполнения миссии, о сути которой здесь на Байкале знали лишь трое: Вера Александровна Реброва, ждавшая внизу смены Маргарита Панина и сама

Мария Скобцева. Остальные, посвященные в тайны стратегического характера, находились в далекой столице.

– Ну, а вам, – обратился Иноземцев к девушке, – желаю успешно провести первую вахту и через пару недель вернуться на платформу в добром здравии и с хорошим настроением.

– Спасибо, постараюсь, – улыбнулась она в ответ и подхватила багаж – блестящий контейнер цилиндрической формы.

– Готовы? – подошел к новичкам Виктор.

Воронин с искусственной бодростью отрапортовал:

– Всегда готовы!

– Сейчас проверим...

Пока старший пловец осматривал застёжки, баллоны и клапаны, Мария глядела на подернутый утренней дымкой горизонт...

«Вот и сбылась заветная мечта. Скоро я поднимусь в шлюз, затем войду в станцию и познакомлюсь с Паниной, которую предстоит заменить на четырнадцать дней. Она проводит меня в специальный секретный модуль, куда были допущены только двое, а с этого дня получила допуск и я, – размышляла она, ощущая легкие прикосновения к снаряжению сильных мужских ладоней. – На всё про всё уйдет не более часа. А сколько времени и сил пришлось потратить на подготовку к этому погружению! Сколько не спала ночей, изучая материал, сколько сдала тестов, зачетов и экзаменов! Не сосчитать...»

Закончив контрольную проверку, Сидельников приказал спускаться по трапу на прямоугольную «террасу», где уже поджидала первая пара пловцов с тремя контейнерами. Внутри двух были свежие продукты и пресная вода; в третьем – личные вещи новичков. Контейнер с документацией, реактивами и прочим научным багажом тащил сам Воронин.

«Все как в первый раз», – отметила про себя девушка, ступая по шаткой конструкции.

На террасе Виктор подал знакомую команду:

– Первая пара – пошли.

Два пловца уселись на край металлической площадки, подобрали загубники, надвинули маски, открыли вентили баллонов и, подхватив поклажу, ушли под воду.

Вскоре их примеру последовали Мария, Андрей и сопровождающие пловцы во главе с Виктором.

\* \* \*

«Ненавижу холод, – поежилась девушка от ледяных объятий байкальской воды. – Хотя бы внутри лаборатории было тепло и уютно...»

При подготовке ее ознакомили с планом лабораторного комплекса, видела она и пяток фотографий, однако вся эта графика давала весьма приблизительное представление об истинной атмосфере подводного комплекса.

Утреннее солнце закрыто темным корпусом платформы;

вода чиста и прозрачна; вбок ниспадает толстая якорная цепь, вертикально вниз уходят стальные тросы, кабели и шланги. Эта картина стала уже привычной, и Скобцева довольно уверенно поглядывала на попутчиков: Андрея, Виктора, второго пловца и ту пару, что ушла далеко вперед. Вид их маленьких фигурок, как и пропасть, над которой они палят, уже не пугают.

Воронин держался неподалеку и на первый взгляд был абсолютно спокоен, однако сопровождающие все одно не сводили с него глаз.

Погружение проходило в штатном режиме: платформа медленно отдалялась, превращаясь в темное продолговатое пятно, а пугающая чернота постепенно поднималась навстречу...

Глубина пятнадцать метров. Виктор включил фонарь, остальные последовали его примеру.

На двадцати метрах Андрей нервно заелозил лучом. Громада платформы осталась сверху – до нее далековато; в нескольких метрах тонкие струны натянутых тросов, пучки кабелей и шлангов, но они почему-то не внушают новичку доверия, а дна все еще не видно. «Ему не за что уцепиться взглядом, – досадливо поморщилась девушка. – Неужели опять проблемы с пространственной ориентировкой?»

Ответа на свой вопрос она не получила. Внизу забрезжил желтоватый свет, и фонарь в руке Воронина успокоился.

Двадцать пять метров. Темнота вот-вот окутает со всех



сторон и даже сверху. Зато освещенная прожекторами область перед шлюзовым модулем становится ближе и ярче.

На тридцатиметровой глубине лучи нащупали модульные «купола», а спустя еще несколько минут уверенно вырывали из мрака всю конструкцию и идущих впереди пловцов с серебристыми контейнерами. Это окончательно успокоило Андрея.

Тридцать пять метров. Группа плавно сместилась к шлюзу – пятиметровой титановой сфере. Пара пловцов с багажом исчезли под ее округлой формой...

Вход в шлюз находится в нижней части и представляет собой открытое отверстие диаметром чуть более одного метра. Шлюз не имеет иллюминаторов и каких-либо удобств – его внутренний объем предназначен для кратковременного пребывания.

Она вспомнила подробное описание шлюзового модуля.

Единственная лампа в матовом плафоне освещает длинное полукружье металлической скамьи. На вогнутых светло-серых стенах висит аптечка с расходными медицинскими материалами и три стандартных герметичных фонаря. Рядом – пара запасных баллонов с дыхательной смесью, на специальной подставке ждут своего часа два компактных буксировщика с полностью заряженными аккумуляторами, выше закреплен манометр с очень точной шкалой давления. И переговорное устройство по соседству со вторым круглым люком – входом в центральный модуль. В дверце лю-

ка имеется небольшой иллюминатор из триплекса толщиной в шесть сантиметров. Вот и все убранство «прихожей» русской подводной лаборатории «Ангар-004».

Продолжая медленное погружение, группа оказалась на одном уровне с ближайшими «куполами» – верхушками сферических конструкций.

Мария с воодушевлением подумывала о скором входе в шлюз, и тем неожиданнее «прозвучал» выразительный жест Сидельникова, приказывающий прекратить спуск.

Молодые ученые остановились у одного из прожекторов. «Что случилось?» – растерянно глядел на девушку Воронин. Он тоже посчитал опасное путешествие практически завершенным, и вдруг заминка.

«Не знаю. Надо немного подождать», – оглядывалась по сторонам Мария.

Вокруг ничего не переменялось, но, кажется, были слышны какие-то звуки. Впрочем, немудрено – где-то ниже в люк шлюзового модуля курьеры загружают контейнеры. Ящики неудобны и тяжелы. Ими можно и погрометь...

Ее размышления прерывал очередной повелительный жест Виктора: «Оставайтесь здесь. Я сейчас вернусь...»

Троица терпеливо ждала.

Прошло минуты три, и Андрея снова охватило волнение. Размахивая фонарем и заглядывая в маску пловца, он пытался выяснить причину задержки. Девушка тоже не отказалась бы узнать, что происходит.

Внезапно снизу появился Виктор. Он подталкивал вверх одного из курьеров...

Глядя на эту картину, молодые ученые не сразу осознали, что курьер мертв или без сознания. Лишь когда в желтом фонарном свете появились облачка розовой мути, источниками которых были дыры в гидрокостюме, оба поняли: произошло что-то из ряда вон.

При этом Скобцева решительно бросилась помогать, а Воронин неистово дергал конечностями, стараясь держаться подальше...

В обязанность «курьеров» (так в шутку называли пловцов из команды Виктора Сидельникова, совершавших регулярные рейсы на глубину с грузовыми контейнерами) входило не только снабжение вахты свежей пищей. Им также вменялась доставка наверх задокументированных отчетов о проведенных исследованиях. И для того, чтобы соблюсти правила, следовало подняться в шлюз и связаться с учеными по переговорному устройству. Затем выровнять давление, открыть герметичный люк, передать внутрь станции одни контейнеры и забрать другие. Эти операции обычно занимали минут пятнадцать-двадцать.

За все предшествующие годы работы подводной лаборатории «Ангар-004» случилось лишь одно чрезвычайное происшествие: на глубине тридцати метров у «курьера» отказал легочный автомат. Его напарник вовремя узрел проблему и, бросив контейнер, пришел на помощь. Так, поочеред-

но пользуясь одним загубником, потихоньку и поднялись.

\* \* \*

Воронин запаниковал совершенно некстати. Но что поделаешь? Увидев обмякшее, аморфное тело «курьера», окутанного кровавыми «облачками», он буквально обезумел от страха. Теперь уж растерялась и Скобцева. Кому помогать: «курьеру» или пока еще живому и здоровому Андрею?

Все расставил по местам Виктор. Передав бесчувственное тело своему коллеге, он в два взмаха настиг Воронина и встряхнул его с такой силой, что тот едва не потерял маску. Затем он постучал пальцем по манометру: «Все нормально! У тебя еще полно воздуха! Сделай глубокий вдох и расслабься!»

Андрей вздохнул, а через мгновение хотел рвануть вверх...

«Стоять! – удержал его старший пловец. – Нужно помочь поднять наверх нашего парня, – показывал он в сторону своих ребят. – Понимаешь?»

Тот кивнул и вскоре совместно с пловцом-охранником медленно поднял к поверхности раненого мужчину.

«А мы?» – недоумевала Маша.

«Иди за мной», – тронул ее за руку Виктор и устремился под шлюзовую сферу.

Первое, что она увидела под большим титановым ша-

ром, – лежащие на дне контейнеры. Их невозможно было не увидеть – на гладких отполированных боках играли причудливые световые блики, прорывавшиеся из открытого люка.

Виктор проплыл мимо ящиков, подтолкнул Скобцеву к круглому люку и помог забраться внутрь шлюза. Усевшись на пол, она сдвинула на лоб маску, затем покосилась на динамик переговорного устройства, из которого лилась классическая музыка. А уж после осмотрелась по сторонам и обомлела: на длинной полукруглой лавке, закрыв лицо руками, сидела женщина в легком спортивном костюме. У ее ног лежал второй «курьер», из-под шеи которого по полу растекалась длинная лужа крови. Тут же валялся нож...

Следом в шлюз поднялся Сидельников. Он снял маску, ласты и освободился от дыхательного аппарата.

– Что здесь произошло? – прошептала Мария.

– Пока не знаю. Сейчас попробую выяснить. – Он сел рядом с женщиной, взял ее руку и осторожно отвел от лица: – Светлана Сергеевна, что с тобой?

Она молчала. Взгляд был устремлен куда-то вдаль сквозь титановую обшивку шлюза.

– Света, ты слышишь меня? Ты можешь говорить?...

– Похоже, она в шоковом состоянии, – предположила Скобцева.

– Да, вы правы.

– А что случилось с вашими коллегами?

– На них кто-то напал. У обоих ножевые ранения.

– Она? – кивнула Скобцева на женщину.

– Вряд ли...

В это время женщина судорожно всхлипнула и очнулась. С удивлением оглядев приплывших сверху людей, она вдруг задрожала, подняла руку и, показав на закрытый люк, испуганно вскрикнула.

Дружно повернув головы, Виктор и Мария посмотрели в указанном направлении...

Круглый люк, круглое оконце из толстого стекла, мощный запорный механизм как на подводных лодках, негромкие звуки скрипки из динамика переговорного устройства. И больше ничего...

# Глава шестая

*Российская Федерация, Москва, Лубянская площадь.  
Наше время*

На аэродроме нас встречает автобус.

Погрузка в его салон – настоящий ритуал. «Конторские» шофера давно знакомы с особенностями передвижения пловцов из отряда «Фрегат-22». А вот новичков приходится учить. Главная особенность заключается в большом количестве багажа со снаряжением, ведь, как правило, каждый пловец тащит с собой в командировку не менее четырех полноразмерных сумок!

В первой – сложенный гидрокombineзон с двумя комплектами шерстяного белья, ластами, маской и подвесной системой. Во второй – ребризер с двумя запасными баллонами и регенеративным патроном. В третьей – автомат «АДС», боеприпасы к нему и специальный нож. Наконец, в четвертой находятся личные вещи пловца. Иногда добавляется и пятая с фляжкой чистой воды, с упаковками сухпая или с индивидуальным буксировщиком.

Короче, на восемь человек выходит как минимум тридцать два объемных и увесистых багажных места. На шестнадцать – шестьдесят четыре огромных сумки, которыми напроць забивается корма любого автобуса. Сами мы обычно усаживаемся поближе к водиле.

Итак, едем.

Сорок минут слалома по запруженным подмосковным трассам, и мы на территории родной базы – в бывшем профилактории. Половина моих парней имеют семьи. Сдав оружие и снарягу, они переодеваются, прощаются с нами, садятся автомобили и разъезжаются по домам. Остальные, не имеющие обязательств и цепей, лениво расползаются по комфортабельным номерам общежития – мне и им торопиться некуда.

У меня есть в Москве скромная однокомнатная квартира – даже не в спальном, а в могильном райончике. Заслужил, так сказать, за десяток ранений и пару контузий. Вполне приемлемое для одинокого холостяка логово. Тем не менее большую часть свободного от подвигов времени я предпочитаю проводить на базе, в обществе своих коллег. Здесь привычнее, спокойнее и удобнее на случай сбора по тревоге.

Закрыв изнутри дверь своих «апартаментов» на территории базы, бросаю в угол сумку со шмотками. В номере ничего не изменилось. А что здесь могло произойти за время моего короткого отсутствия? Только слой пыли стал толще, а посередине кухонного бокса лежит мертвый таракан...

Раздевшись, топаю в ванную принимать душ. После водных процедур инспектирую холодильник...

К сожалению, дельный совет из одной раритетной кулинарной книги в моем случае не прокатывает. Совет звучал примерно так: «Если к вам неожиданно пришли гости, по-



шлите девку в погреб. Пусть она принесет холодной телятины и клубники со сливками – это будет вполне прилично». Телятиной я питаюсь по праздникам, а вкус клубники напоминает детство. Зато в моем «погребе» завсегда найдется хорошая водка и закуска типа «братской могилы» – банки латвийских шпрот.

Сажусь ужинать...

Да, я холост и почти каждый вечер довольствуюсь скромной холодной трапезой, за исключением редких посещений ресторанов. Вам интересно, почему я не сложил по кирпичикам семейный очаг? Во-первых, потому, что перед глазами слишком много негативных примеров: кто-то из женатых друзей или коллег уходит к молоденьким, кто-то – просто в никуда. Счастливы буквально единицы, да и на трезвую голову не разберешь – счастливы они по-настоящему или научились виртуозно обманывать окружающих. Скорее, второе. Врут и терпят. Терпят и врут из-за невозможности расстаться с привычкой или из-за страха перед разделом нажитого хлама. В лучшем случае – из-за подрастающих детей. Во-вторых, потому, что в моем арсенале уже имеется печальный опыт семейной жизни. Повторять его не хочется...

Нет, я не женоненавистник и никого не зову на баррикады ради борьбы за права мужчин. Напротив, я уверен: люди – животные парные, и оставаться одному противостоит природе. Однако большинство наших женщин делает все для того, чтобы на старости лет гулять во дворе со своими кош-

ками или злыми карманными собачками. Выскочив замуж, они думают, будто ухватили бога за бороду и отныне необязательно нравиться избраннику. Они часами болтают с подругами по телефону или «Скайпу», ходят по дому в затрапезном нижнем белье, набивают на ночь желудки и при любом удобном случае дерут глотку подобно армейскому старшине. А потом вдруг с изумлением узнают об измене подлеца-мужа, променявшего «замечательную» жену на какую-то стерву.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.